

Аркадий Тимофеевич АВЕРЧЕНКО (1881-1925)

Аркадий Аверченко — весёлый писатель. Таких писателей называют сатириками или юмористами. Сатириком был М. Е. Салтыков-Щедрин. Юмористом — давно любимый вами Виктор Драгунский. Аверченко читатели знают и как беспощадного сатирика, и как тонкого юмориста. Но когда он пишет о детях, мы слышим в его рассказах нежную иронию.

«Я очень люблю детишек и без ложной скромности могу сказать, что и они любят меня». Эта фраза из рассказа Аркадия Аверченко «Дети» могла бы стать эпиграфом ко всем его остроумным и весёлым произведениям «о маленьких для больших», впрочем, так же как и «о больших для маленьких». «Человек для Аверченко всю жизнь оставался большим ребёнком, а в ребёнке он видел притворяющегося маленьким взрослым», — пишет Олег Михайлов в предисловии к книге А. Аверченко «Молодняк». В ней собраны рассказы для детей и о детях. У Аверченко их очень много. Ведь как признавался сам писатель: «Я пишу только в тех случаях, когда мне весело. Мне очень часто весело. Значит, я часто пишу».

СЕРЁЖКИН РУБЛЬ

Как его заработал

Звали этого маленького продувного человечка: Серёжка Морщинкин, но он сам был не особенно в этом уверен... колебания его отражались даже на обложках истрёпанных тетрадок, на которых иногда было написано вкривь и вкось:

«Сергей Мортчинкин».

То:

«Сергей Мортчинкен».

Эта неустанная, суровая борьба с буквой «щ» не мешала Серёжке Морщинкину изредка писать стихи, вызывавшие изумление и ужас в тех лицах, которым эти стихи подсовывались.

Писались стихи по совершенно новому способу... Таковы, например, были Серёжкины знаменитые строфы о пожаре, устроенном соседской кухаркой:

До соседей вдруг донёсся слух,
Что в доме номер три, в кух-
Не, горел большой огонь,
Который едва-едва потушили.
Кухарку называли «дурой» милли-
Он раз, чтобы она смотрела лучше.

За эти стихи Серёжкина мать оставила его без послеобеденного сладкого, отец сказал, что эти стихи позорят его седую голову, а дядя Ваня выразил мнение, что любая извозчицья лошадь написала бы не хуже.

Серёжка долго плакал в сенях за дверью, твёрдо решив убежать к индейцам, но через полчаса его хитрый, изобретательный умишко заработал в другом направлении... Он прокрался в детскую, заперся там и после долгой, утомительной работы вышел, торжественно размахивая над головой какой-то бумажкой.

— Что это? — спросил дядя.

— Стихи.

— Твои? Хорошие?

— Да, это уж, брат, почище тех будут, — важно сказал Серёжка. — Самые лучшие стихи.

Дядя засмеялся.

— А ну, прочти-ка.

Серёжка взобрался с ногами на диван, принял позу, которую никто, кроме него, не нашёл бы удобной, и, сипло откашлявшись, прочёл:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая...
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, синем кушачке...
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно.

— Гм... — сказал дядя. — Немного бестолково, но рифма хорошая. Может, списал откуда-нибудь?

— Уж сейчас и списал, — возразил Серёжка, ёрзая по дивану и пытаясь стать на голову. — На вас разве угодишь?

Дядя был в великолепном настроении. Он схватил Серёжку, перевернул его, привёл в обычное положение и сказал:

— Так как все поэты получают за стихи деньги — получай. Вот тебе рубль. От восторга Серёжка даже побледнел.

— Это... мне? И я могу сделать, что хочу?

— Что тебе угодно. Хоть дом купи или пару лошадей.

В эту ночь Серёжке спалось очень плохо: рубль, суливший ему тысячи разных удовольствий и благ, будил хитроумного мальчишку несколько раз.

Сделка

Утром Серёжка встал чуть ли не на рассвете, хотя в гимназию нужно было идти только в девять часов. Выбрался он из дому в восьмом часу и долго бродил по улицам, обуреваемый смутными, но прекрасными мыслями...

Зайдя за угол, он вынул рубль, повертел его в руках и сказал сам себе:

— Интересно, сколько получится денег, если я его разменяю?

Зашёл в ближайшую лавочку. Разменял.

Действительно, по количеству — монет оказалась целая уйма — чуть ли не в семь раз больше... но качество их было очень низкое — маленькие, потёртые монетки, совсем не напоминавшие большой, толстый, увесистый рубль.

— Скверные денежки, — решил Серёжка. — Их тут столько, что не мудро одну монетку и потерять... разменяю-ка я их обратно.

Он зашёл в другую лавочку с самым озабоченным видом.

— Разменяйте, пожалуйста, на целый рубль.

— Извольте-с.

Новая мысль озарила Серёжкину голову.

— А может... у вас бумажный есть?

— Рублёвок не имеется. Есть трёхрублёвки.

— Ну, дайте трёхрублёвку.

— Это за рубль-то! Проходите, молодой человек.

Опять в Серёжкином кармане очутился толстый, тяжёлый рубль. Осмотрев его внимательно, Серёжка одобрительно кивнул головой:

— Даже лучше. Новее того. А много можно на него сделать: купить акварельных красок... или пойти два раза в цирк на французскую борьбу (при этой мысли Серёжка согнул правую руку и, наморщив брови, пощупал мускулы)... а то можно закупить пирожных и съесть их сразу, не вставая. Пусть после будет болеть желудок, ничего — живёшь-то ведь один раз.

В это время кто-то сзади схватил Серёжку сильной рукой за затылок и так сжал его, что Серёжка взвизгнул.

— Смерть пригодишам! — прорычал зловецкий голос. — Смерть Морщинкину!

По голосу Серёжка сразу узнал третьеклассника Тарарыкина, первого силача третьего и даже четвёртого класса, драчуна и забияку, наводившего ужас на всех благомыслящих людей первых трёх классов.

— Пусти, Тарарыкин... — прохрипел Серёжка, беспомощно извиваясь в железной руке дикого Тарарыкина.

— Скажи: «Пустите, дяденька».

— Пустите, дяденька.

Удовлетворив таким образом своё неприхотливое честолюбие, Тарарыкин дёрнул Серёжку за ухо и отпустил его.

— Эх ты, Морщинка — тараканья личинка. Хочешь так: ты ударь меня по спине, как хочешь, десять раз, а я тебя всего один раз. Идёт?

Но многодумная голова Серёжки работала уже в другом направлении. Необъятные радужные перспективы рисовались ему.

— Слушай, Тарарыкин, — сказал он после долгого раздумья. — Хочешь получить рубль?

— За что? — оживился вечно голодный, прожорливый третьеклассник.

— За то, что я тебя нарочно, для примера поколочу при всех на большой перемене.

— А тебе это зачем?

— Чтоб меня все боялись. Будут все говорить: раз он Тарарыкина вздул, значит, с малым связываться опасно. А ты получишь рубль... Можешь на борьбу пойти... красок купить коробку...

— Нет, я лучше пирогов куплю по три копейки тридцать три штуки.

— Как хочешь. Идёт?

В Тарарыкине боролись два чувства: самолюбие первого силача и желание получить рубль.

— Что ж, брат... А если я тебе поддамся, так меня уж всякий и будет колотить?

— Зачем? — возразил сообразительный Серёжка. — Ты других лупи по-прежнему. Только пусть я силачом буду. А пироги-то... Ведь ты их целый месяц есть будешь.

— Неделю. Эх, Морщинка — собачья начинка, соглашаться, что ли?

Серёжка вынул рубль и стал с искусственным равнодушием вертеть его в руках.

— Эх! — застонал Тарарыкин. — Пропадай моя славушка, до свиданья-с, моя силушка. Согласен.

И, размахнувшись, шлёпнул Серёжку ладонью по спине.

— Чего же ты дерёшься?

— Так ведь, чудак же, это в последний раз. Потом уж ты меня колошматить будешь.

И, утешившись таким образом, Тарарыкин спрятал рубль в карман старых, запятнанных чернилами всех цветов, брюк...

Драка

Ликующе прозвенел звонок на большую перемену, и широкая волна серых гимназических курточек и фуражек вылилась на громадный гимназический двор. Поднялся визг, крики и весёлая суматоха.

Честный юноша Тарарыкин выбрал группу учеников побольше, приблизился с самым невинным лицом и стал любоваться на состязание Мухина и Сивачёва, ухитрившихся подбрасывать мяч ногами, без помощи рук.

— Попробуй, Тарарыкин, — предложил Сивачёв.

В это время юркий Серёжка Морщинкин пробрался между ног взрослых учеников, просунул свой нос вперёд и пропищал самым вызывающим образом:

— Куда этому Тарарышке прыгнуть — у него сейчас и ноги отвалятся.

— Ты-ы! — угрожающе зарычал Тарарыкин. — Знай, с кем говоришь! Котлету из тебя сделаю!

— Котлету! Ах ты, кухарка свиньячья!

— Отойди лучше, Морщинка, — получишь по затылку!

— Очень я тебя боялся, — лихо захохотал Серёжка. — попробуй-ка, тронь только!

— Да и трону, — проворчал Тарарыкин.

— А ну, тронь!

— А что ж ты думаешь — не трону?

Серёжка стал в боевую позу плечом к плечу с громадным Тарарыкиным и, задрав голову, сказал иронически:

— Тронь только — кто тебя у меня отнимать будет?

Кругом засмеялись.

— Ай да Морщинка! Смотри, Тарарыкин, не трусь!

— Ну, что ж ты, Тартарарыка, небось только на маленьких силач. До меня-то и дотронуться боишься.

— Я? Тебя? Боюсь? На ж тебе, получай!

Тарарыкин с силой размахнулся, но ударил по Серёжкиной груди так, что тот даже не пошатнулся.

— Съел?

— Это, брат, мне ничего, а вот ты попробуй!

Серёжка взмахнул маленьким кулачком и — о чудо! К ужасу и изумлению всех присутствующих, верзила Тарарыкин отлетел шагов на пять. Как всякий неопытный актёр, честный Тарарыкин «переиграл», но простодушная публика не заметила этого.

— Ого! Ай да Серёжка!

Тарарыкин с трудом встал, сделал преувеличенно страдальческое лицо и, держась за бок, захромал по направлению к Серёжке.

— А-а, так ты так-то!

— Да-с. Вот так! — нахально сказал Серёжка. — На-ка ещё, брат!

Вторым ударом он снова сбил хныкавшего Тарарыкина и, насевав на него, принялся обрабатывать толстую тарарыкинскую спину своими кулачками.

Все были изумлены до чрезвычайности.

Когда избитый, стонущий Тарарыкин поднялся, все обступили его:

— Тарарыка, что это с тобой? Как ты ему поддался?

— Кто ж его знал, — отвечал добросовестный Тарарыкин. — Ведь это здоровяк, каких мало. У него кулаки — железо. Когда он меня свистнул первый раз, я думал, что ноги протяну.

— Больно?

— Попробуй-ка. Завяжись сам с ним. Ну его к Богу. Я его теперь и не трону больше...

После победы

Тарарыкин честно заработал деньги. Серёжка сделался героем дня. Весть, что он поколотил Тарарыкина и что тот, как пригостишка, плакал (последнее было уже прибавлено восторженными поклонниками) — эта весть потрясла всех. Результаты Серёжкиного подвига не замедлили сказаться.

К упоённому славой Серёжке подошёл первоклассник Мелёшкин и принёс ему горькую жалобу:

— Морщинкин! Ильяшенко дерётся — дай ему хорошенько, чтобы не заносился.

— Ладно! — нахмурился Серёжка. — Я это устрою. А что мне за это будет?

— Булку дам с ветчиной и четыре шоколадины в серебряной бумажке.

— Тащи.

Потом подошёл Португалов.

— Здравствуй, Серёжка. Сердишься?

— А то нет! Свинья ты! Жалко было цветных карандашей, что ли? Обожди!

Попадёшься ты мне на нашей улице!

Португалов побледнел и, похлопав Серёжку по плечу, сказал:

— Ну, будет. Притащу завтра карандаши. Мне не жалко.

Три второклассника подошли вслед за Португаловым и попросили Серёжкиного разрешения пощупать его мускулы.

Получили снисходительное разрешение. Пощупали руку, поудивлялись. Мускулов, собственно, не было, но товарищи были добрые, решили, что рука всё-таки твёрдая.

— Ты что, упражнялся? — спросил Гукасов.

— Упражнялся, — сказал Серёжка.

В конце концов Серёжка, опьянённый славой, и сам поверил в свою нечеловеческую силу.

Проходил второклассник Кочерыгин, уплетая булку с икрой.

— Стой! — крикнул Серёжка. — Отдай булку!

— Ишь ты какой! А я-то?

— Отдай, всё равно отниму!

Кочерыгин захныкал, но, вспомнив о Тарарыкине, вздохнул, откусил ещё кусочек булки и протянул её Серёжке.

— На, подавись!

— То-то. Ты смотри у меня. Я до вас тут до всех доберусь.

В это время проходил мимо Тарарыкин. Увидев Серёжку, он сделал преувеличенно испуганные глаза и в ужасе отскочил в сторону. Хотя вблизи никого не было, но он, как добросовестный недалёкий малый, считал своим долгом играть роль до конца.

— Боишься? — спросил заносчиво Серёжка.

— Ещё бы. Я и не знал, что ты такой здоровый.

И вдруг в Серёжкину беспокойную голову пришла безумная, шальная мысль... А что, если... Тарарыкин действительно против него не устоит? Этот крохотный мальчишка так был опьянён всеобщей честью и восторгом, что совершенно забылся, забыл об условии и решил пойти напролом... Насытившись славой, он пожалел о рубле, а так как руки его чувствовали себя железными, непобедимыми, то Серёжка со свойственной его характеру решимостью подскочил к Тарарыкину и, схватив его за пояс, сурово сказал:

— Отдавай рубль!

— Что ты! — удивился Тарарыкин. — Ведь мы же условились...

— Отдавай! Всё равно отниму!

— Ты? Ну, это, брат, во-первых, нечестно, а во-вторых, — попробуй-ка.

На их спор собрались любопытные. Снова стали раздаваться комплименты по Серёжкиному адресу.

И, не раздумывая больше, Серёжка храбро устремился в бой. Он подскокил, хватил изумлённого и огорчённого Тарарыкина по голове, потом ударил его в живот, но... Тарарыкин опомнился.

— Ты... вот как!

Через минуту Серёжка уже лежал на земле. Во рту чувствовалось что-то солёное, губа вспухла, зловещее красноватое пятно засияло под глазом; оно наливалось, темнело и постепенно переходило в синий цвет.

И рухнула эта жалкая, построенная на деньгах слава... Серёжка лежал, избитый, в пыли и прахе, а мстительный Кочерыгин, отдавший Серёжке булку, подскокил к Серёжке и дёрнул его за волосы; подошёл Португалов, ткнул его в спину кулаком и сказал:

— Вот тебе цветные карандаши. Поросёнок!

Уныло, печально возвращался хитроумный Серёжка домой; губа вспухла, щека вспухла; на лбу была царапина, рубль пропал бесследно, дома ожидала головомойка, настроение было отчаянное...

Он вошёл робкий, пряча лицо в носовой платок... Он рассчитывал, проскользнув незаметно в свою комнату, улечься спать... Но в передней его ждал последний удар.

— Ты что же это, мошенник, обманул меня? Это твои стихи? Списал у Пушкина да и выдал за свои. Во-первых, за это ты всю неделю будешь сидеть дома — о цирке и зверинце забудь, а во-вторых, возврати-ка мне мой рубль.

Сердце Серёжки упало...